

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

что — 1941 год?
почему «не готовились»? Почему
али про «спланированные»? Какая

Юлия Линде

Литература

Как — митинг, так — красивые речи, званые войны. Как процессе ГИП — так кошат, жалуются, жаждут гуманности.

Путч был два года назад. Никто не наказан. Преступники красуются на ТВ, пи-

Все не отдали, как шип
изделили. Вернемый. Сего
ны России. Шныряют по за
ют до 10 кнопок.
У них совести нет.

Юлия Линде Литература

Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48804395

Литература:

ISBN 978-5-08-006046-5

Аннотация

«Груша для битья», «нескладная паучиха», «малодушная овца» – какими только уничижительными эпитетами не награждает себя героиня – 15-летняя Женя Щетинина в своей исповеди-биографии! Жить с такой самооценкой и в самом деле непросто: Женя талантлива, она пишет стихи, и ей так нужны поддержка и признание сверстников.

Но идти на поводу у чужих вкусов и пристрастий – тоже не выход. Внутренняя честность и верное нравственное чутьё ей этого не позволяют. Особенно когда речь заходит о тех, кто «положил душу свою за други своя» и чью память она, дочь Героя России, погибшего в Чечне, никогда не предаст.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	5
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	19
Глава 4	22
Глава 5	41
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юлия Линде

Литература

© Линде Ю. В., 2019

© Линде Ю. В., иллюстрации, 2019

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2019

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2019 года в серии уже издано около 40 книг. Выходят в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

рефлексия

стихи

я тут

Старт

нервы

Недавно составила «Топ-100 самых дурацких вопросов». Какие на первых двух местах, не скажу (сразу захочется задать), а на третьем – «Вы пишете стихи?». Ну и что в этом дурацкого, хотите узнать? А то, что стихи хоть раз в жизни пробовал писать любой нормальный человек. Ну, за редким исключением. Это такое дело... как грипп, примерно: болели почти все, а осложнения случаются у немногих. Не нра-

вится сравнение с бактерией? Тогда выберу образ посимпатичнее...

В книгах по поп-психологии вон пишут, что с людьми постоянно случаются кризисы: первый в три года, потом в четырнадцать – шестнадцать, потом в двадцать пять, потом в сорок лет... Человек заново пытается переосмыслить мир и себя самого – обычная стадия развития. Вот стихи – это тоже этап душевного развития, естественный процесс для основной массы homo sapiens. Иногда стихи появляются в детском саду, иногда – в школе, и, говорят, это проходит примерно после института и выхода на работу. Годам к двадцати пяти.

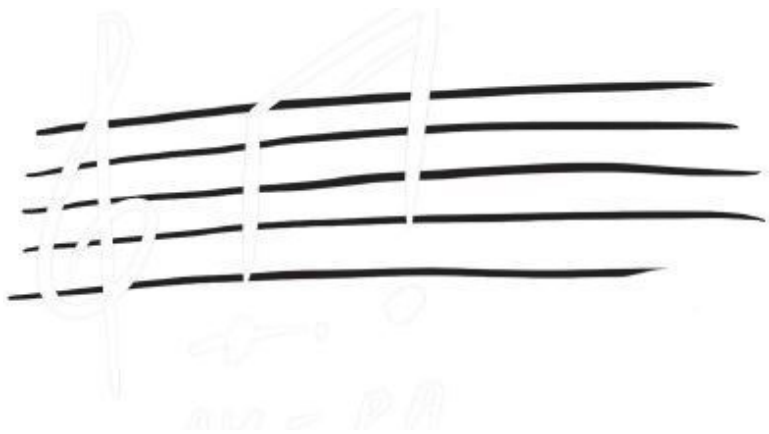
Я не знаю, пройдёт ли у меня, потому что мне пятнадцать, но надеюсь, что окажется хроническим, потому что стихи – это специи, ну или, как пишут на упаковках продуктов, «ароматизаторы, идентичные натуральным, загустители, фиксаторы окраски», без них все блюда моей судьбы станут слишком пресными.

Зачем я затеяла эту паршивую и никому не интересную биографию? Меня тут прессуют и заставляют участвовать в литературном конкурсе «Открытие» для авторов как раз с пятнадцати и до двадцати пяти лет. Какое из меня открытие, не знаю. Сплошное закрытие, по-моему. Эх... ладно.

Для участия, которое случилось мне три раза, понадобилась биография. Нормальные люди написали бы кратко: где и когда родился, в какой школе учишься, какие достижения – три-четыре тоскливые фразы ни о чём. Но я сумасшедшая,

и жизнь у меня сумасшедшая, её в несколько предложений не уместишь. Никто это, конечно, не прочитает, но мне всё равно, а если прочитает, начнётся что-то типа: «Ну она погибает! Так в жизни не бывает, только в плохой литературе! Вот накрутила!» Но в жизни иногда случаются события настолько дебильные и невероятные, что литературе и в кошмарном сне не приснится, поэтому не надо бухтеть и обвинять меня в недостоверности – моя биография такая же настоящая, как и я сама.

Глава 1

В детстве я была *грушей* – той самой, которая для бокса. По крайней мере, *грушей* меня считали в детском саду. Есть ещё *козёл отпущения*, но слово «груша» мне больше нравится. Били меня скорее по привычке, чем по злему умыслу – такая уж традиция сложилась, будь добр соблюдать. Иногда на тренировку заглядывали даже из других групп во время общей прогулки. Как объяснила мне однажды Наташа У.:

– Характер тебе тренируем, учишься давать сдачи, а то никто с тобой дружить не будет, – и ехидно улыбнулась.

Характер у меня – это да, слабоват, хочется *белую ворону* упомянуть, но данная *ворона* подразумевает что-то слишком яркое и неординарное, она как бельмо в глазу, а я не белая

– самая обыкновенная серая: и глаза серые, и волосы серые, тёмно-русые. Вернее, я не белая и не серая – я прозрачная. Если можно было бы стать невидимкой, я бы стала без особого труда.

– Ты кисель! – сказала мне моя единственная садииковская подружка Таня Ч., она как раз задумчиво выуживала вишенки из киселя. – Больше защищать не буду. Надоело.

Ну да, в детстве я была с приветом, немного... э-э... космонавтом. Хотя бы потому, что очень любила манную кашу, особенно с комочками. Каша напоминала чудесный тёплый снег, в ней можно проложить лыжню ложкой или вырыть норы для белых медведей (да, те самые комочки). Манный снег был тёплым, потому что в нём растаяло сливочное солнце – кусочек масла. Солнечную лужицу нужно беречь и съесть в последнюю очередь. Вы уже догадались, да? Я почти всегда заканчивала есть позже всех в группе (не только кашу, впрочем). Нянечка Ирина Андреевна успевала напичкать манкой ярых противников каш, а я всё играла с белыми медведями или пыталась слепить снеговика.

– Ну а ты, Щетинина, почему не доела? – кричала мне нянечка, с горем пополам распихавшая кашу по детям. – Особое приглашение надо? Заснула?

Дурацкая у меня фамилия. И имя так себе – Женя. Сразу не поймёшь, мальчик я или девочка или вообще оно. В детстве вдобавок меня постоянно стригли под мальчика: мама считала, что волосы от этого гуще станут, но в резуль-

тате отрос мышинный хвост, длинный, тощий и серый. Ладно, серость, но я, как назло, уродилась ушастой. С дебилской стрижкой совсем было ужасно-ушасто. Периодически я приклеивала уши скотчем, но отдирать потом адски больно. Теперь вон уши волосами прижимаю, и, если хвост потуже затянуть, – норм.

Хвост и уши – это ещё не самая большая проблема, можно выкрутиться, гораздо хуже то, что я, хронически прыщавая и нескладная паучиха, всю жизнь возвышалась над головами ровесников, как телебашня. Надеюсь, расти я уже перестала, потому что в пятнадцать лет быть ростом 185 сантиметров – это перебор. А что делать, если к восемнадцати я стану двухметровой? Остаётся только ходить горбушкой, складываться пока не научилась...

В садике я мечтала о косах... хотя бы половину косы Рапунцель отрастить – уже хватило бы, но косы приходилось делать из маминых колготок: натянул на голову – и ходишь весь вечер, как принцесса.

Однажды осенью я бродила в одиночестве вдоль чёрной высокой ограды сада. Кстати, до сих пор не могу понять, зачем на верхушках железных прутьев были небольшие пики, – видимо, особо буйных детей следовало сажать на кол при попытке к бегству. Мои одноклассники играли в догонялки – самую дурацкую игру на свете. Беготню я ненавижу. Поэтому я вообразила себя печальной феей Листопадой. Меня заперли за этим забором завистливые древние свинк-

сы (о египетском сфинксе у меня тогда были довольно смутные представления). Я Листопада, мои слёзы превращаются в спелые каштаны и жёлуди, я их собираю в куртку; когда я грущу, начинается дождь, налетает ветер и срывает листья с деревьев. Но, если мне удастся выбраться из плена, во всём мире сразу начнётся весна, потому что я превращусь в фею Цветению, оживлю чахлую траву, которая свалялась грязными колтунами, раскрою почки деревьев, выращу целую поляну ландышей, верну улетевших птиц, воскрешу бабочек, стрекоз и жучков-пожарников (это мои любимые)...

Я медленно дохожу до калитки – она не заперта! (Потом уже сообразила, что нянечка, видимо, выходила на перекур и забыла закрыть.) Меня никто не заметил – правильно, я же почти прозрачная! – потихоньку выскользываю из калитки – и свобода!

Нормальный беглец, конечно, постарался бы поскорее исчезнуть из поля зрения, но я была не просто беглецом, а феёй. Я должна дотронуться своей чудесной рукой до каждого кустика, каждой былинки, чтобы они ожили, ведь теперь я фея Цветения. И вдруг в траве мне попаласьдохлая пчела! «Видимо, не успела улететь в тёплые края и погибла, – подумала я. – Ты опоздала, Цветения... Пчела ведь нарочно не улетала, она ждала тебя, верила, что выберешься из-за чёрной решётки». Я долго её рассматривала, даже дула на неё, но волшебство не сработало. Тогда я нашла палку и стала рыть могилу.

Пчела, пчела
Не улете-ла
И умерла.

Я сразу догадалась, что это печальная похоронная песня, и стала напевать её на разные мотивы, не забывая копать. Тут меня и схватила воспитательница Марина Андреевна¹ и начала орать. Вопила она каждый день, и все давно привыкли, никто её воплей не боялся. Обидно только, что я дохоронить пчелу не успела, – зарыла, а памятник не поставила.

В тихий час я думала о памятнике. Не спалось, хотя я честно лежала с закрытыми глазами. Марина Андреевна ушла на какое-то собрание, а доброй воспитательницы Ольги Владимировны ещё не было (или она сразу отправилась в кабинет директора, не заглядывая к нам?). Мы остались одни. Куда делась нянечка, не знаю, наверное, тоже на педсовет или курить пошла. Зря они так, конечно. Поверили, что все мы честно заснули? Щас!

¹ По дурацкому стечению обстоятельств нянечка у нас была Ирина, а одна из воспиталок Марина, и обе Андреевны.

Глава 2

Стоило взрослым уйти, как на меня напала Колькина банда. От этого гнусного Кольки выл весь детский сад! Он был старше и сильнее всех в нашей выпускной группе – отчего-то его не взяли в школу, и он остался на второй год. Ходили слухи, что родители-алкоголики просто забыли его записать в первый класс, и вот он стал матёрым бандюком. Нет, он и в прошлом году дрался, и в позапрошлом, но банда у него завелась только сейчас, когда стал второгодником. Своих Колька, конечно, не трогал, но и не защищал, а всех остальных бил нещадно. Ну и компания ему помогала, старалась на совесть.

И вот стоило уйти Марине Андреевне... Нет, я честно притворялась, что сплю, даже с головой залезла под одеяло, вообразив себя гусеницей, которая по законам жанра обязательно вылетит из кокона бабочкой. Сразу же после тихого часа запланировала превращение. Все встают, я сбрасываю одеяло – а у меня сиреневые крылья с золотыми блёстками! Девчонки сто раз пожалеют, что не хотели дружить, а Колька достанет сачок... Но я распахну окно, вспорхну – и досвидос!

Меня, конечно, побили. Заступаться никто не стал, кроме Тани Ч., но она заступалась морально, на расстоянии, чтобы не получить свою порцию, вопила, правда, громко, с ду-

шой. Били весело, беззаботно и увлечённо пластмассовыми и деревянными игрушками по голове. Сопротивляться было глупо, а на людях я никогда не плачу – не дождутся! Потуже замоталась в кокон и молчала, из кокона меня, естественно, попытались вытащить. Впрочем, головы мне было не жалко, я гораздо больше переживала за бедные беспомощные игрушки² – нет, за игрушек (по правилам склонения одушевлённых существительных я переживала за игрушЕК, а не за игрушкИ). Для меня они были живыми и любимыми, нелюбимых быть не должно, даже если они сломаны!

Не знаю, забили бы меня насмерть или пощадили, но я решила, что пора улетать, схватила простынку, накинула её на плечи и вскочила на подоконник (он как раз у моей кровати). Тогда у нас были старые рамы, ручки оттуда не вынимались. Я взмахнула крыльями и прыгнула. Полёт, правда, оказался недолгим: наша группа находилась на первом этаже.

В этот момент Таню Ч. наконец озарило: она помчалась в соседнее крыло в кабинет директора, где заседали на суперважном собрании воспитатели.

Колька и его банда были хоть и придурками, но придурками хитрыми и коварными, поэтому к приходу Марины Андреевны тихо лежали в кроватях и даже частично убрали игрушки, а Марина Андреевна, подозреваю, бежала очень быстро. Наверняка ей вместе с нянечкой Ириной Андреевной уже грезилась тюрьма, или лагерь за колючей проволо-

² Здесь и далее зачёркнутые слова – авторский приём. (Прим. ред.)

кой, или электрический стул, или одиночная газовая камера... ну, или как минимум обезьянник в районном отделении милиции³.

Я молча порхала под окнами в трусах и простынке, с расчёсанный бровью и дюжиной потенциальных синяков и уже реальных ссадин. Орать считала делом позорным и неприличным, просто летала... Конечно, Марина и Ирина Андреевны вопили как никогда, от крика чуть не взорвались. Меня поймали без сачка и отправили в медкабинет к добрейшей медсестре Эмме Борисовне, которая обработала следы битвы перекисью и аккуратно раскрасила зелёнкой, рану над глазом заклеила куском бинтика с пластырем. Потом откуда ни возьмись примчалась мама.

Мы поехали в травмпункт, где мерзкая врачиха-ехидна объявила, что мне необходимо пришить бровь. Я была в ужасе: неужели бровь может отвалиться? Мне наконец стало по-настоящему страшно, и нечего тут ржать: вы что, мелкими никогда не были? Бровь заштопали металлической ниткой, которая скоро начала жутко чесаться. На память о суровом детстве мне остался небольшой шрам.

Не понимаю, почему меня сразу же не перевели в другой сад – видимо, продолжали закалять мой характер... Бесплезное дело. Абсолютно. Я не видела смысла в сопротивлении: их много, а я одна, дам сдачи – вконец их разозлю и ещё больше пинков огребу, а если никак не среагирую, то

³ Тогда ещё милиция не превратилась в полицию.

рано или поздно надоест ко мне приставать. Скучно же, если жертва валяется себе кверху лапками и не подаёт признаков жизни. Мимикрия у меня срабатывает. Каждый защищается как умеет.

Глава 3

Восемь планет вращаются вокруг Солнца, а мы вращаемся вокруг бабушки, маминой мамы, она у нас карбюратор, заводит всё наше семейство, и не только наше. Есть Солнечная система, а есть Бабушкóвая система. Бабушка – участковый педиатр в районной поликлинике, как после института пришла, так и сидит в том же кабинете, к ней уже внуки первых пациентов приходят, кажется. Правда, не все в поликлинику, кто-то прямо к нам домой, а некоторые увозят бабушку в свои коттеджи и новостройки. По старой памяти. Потому что старый врач лучше новых двух.

Мама у меня непутёвая (так говорит бабушка, но я протестую), она главный библиотекарь, причём в детской библиотеке. «Настя, найди более перспективную работу, – не устаёт уговаривать маму бабушка. – Кто сейчас ходит в эту твою библиотеку? Все давно в интернетах сидят! Смени, в конце концов, профессию! Вон маникюр-педикюр-наращивание-шугаринг неплохо оплачиваются. Я не вечная, а без меня вы с Женькой лапки сложите и кверху брюхом сразу всплывёте!» Но мама ничего не хочет менять, с упорством истинного Дон Кихота выдумывает всё новые и новые приманки, капканы и лассо для читателей.

В библиотеке каждые выходные заседают творческие студии и проходят мастер-классы – от банального бисероплете-

ния до роботомоделирования. Помнится, к маме приходили даже реальные кузнец и кожемяка, ноковка и кожевенное дело почему-то не пошли в массы. Помимо мастер-классов, в библиотеке есть бесплатный кинозал, но показывают только фильмы и мультики, снятые по книгам, так что не всех это интересует.

Мама ведёт блог «Червекнижник» и каждый день отбирает для своих пабликов в соцсетях цитаты и картинки, а недавно запустила и пропиарила новые мемы #booka (или #бука, если по-русски) и #литеродура. Бабушка называет мамин креатив мышшиной вознёй, зудит, конечно, больше по традиции и для порядка. Я в ответ замечаю бабушке: чего она в своей районной поликлинике сидит, давно бы устроилась в частную или вообще семейным врачом. Но она возмущается до глубины души: «Меня отсюда только вперёд ногами вынесут! Я уйду, а кто останется? Кто сюда работать за копейки пойдёт?»

Никуда она, конечно, не денется. Она даже в пресловутые «лихие 90-е» никуда не ушла, хотя маму воспитывала одна. С дедом развелась почти сразу после свадьбы: «Не сошлись характерами с *этим*». В 90-х мама окончила школу и поступила в библиотечный институт. Вы себе представляете это безумие? В стране хлам, революция, путчи, бучи, перевороты, завороты, цейтноты и незнамо что, а она поступает в библиотечный! Впрочем, две её подружки по инсту очень даже прилично устроились: у тётки Аси три небольших книжных

магазинчика детской литературы «Букашка», а у тёти Светы вообще сеть тату-салонов в ближнем Подмосковье. Ну, короче, профессию сменили все, кроме мамы, у неё тоже позиция «отсюда вперёд ногами», хотя характер совсем не бабушкин.

Мама – типичный сангвиник, с вечной радугой в глазах, любит весь мир, и мир отвечает ей взаимностью. Она и во сне улыбается – в любом, даже кошмарном, – и непременно ото всей души и с забавными ямочками на щеках. Маме нужно, чтобы вокруг неё двадцать четыре часа в сутки взрывались фейерверки и счастливое человечество отмечало праздник жизни. Представители этого человечества иногда доводят нас с бабушкой до мигрени: к маме косяками плывут гости, половина из других городов, и живут по нескольку дней. Публика весьма разношёрстная: от десятилетних детей до пятидесятилетних почти-что-пенсионеров. Если бы мы с бабушкой не устраивали акции протеста, наша квартира давно превратилась бы в общагу или хостел.

Глава 4

Мама по юности отжигала и покруче. Тогда оказался на волне русский рок, и она частенько посещала концерты, несмотря на то что среди неформалов водилось запредельно много отморожков. Мама и сама играла на гитаре, но какие писала песни, не признаётся. Ещё она путешествовала автостопом и на *собаках*. *Собаками* назывались электрички, их рок-фанаты предпочитали поездам, потому что нормальный фан космат, голоден, немного асоциален и без копейки в кармане – типа бомжа, только попримичнее. На электричках-*собаках* гоняли на концерты любимых групп по разным городам. Это называлось *пробить выезд*. Мама чаще всего ездила из Москвы в Питер на «ДДТ» и ещё какие-то группы. Классический маршрут на пяти *собаках*: Москва – Тверь, Тверь – Бологое, Бологое – Окуловка, Окуловка – Малая Вишера, Малая Вишера – Питер.

Денег у приличного неформала сроду не водилось, их приходилось *стрелять*, или *аскать* (последнее вроде от слова ask), – попрошайничать, одним словом. Билеты на концерт прожжённые *выездные* тоже не покупали: миролюбивые стреляли деньги, а хищники отбирали билеты у чересчур приличных граждан; была ещё третья категория – заслуженные фанаты, их знали даже сами музыканты, уважали как свиту и выдавали *проходки* – пропуска на концерт.

Мама предпочитала свой способ – играть на гитаре на Старом Арбате, у неё была харизма и длиннющая толстенная зелёная русалочья коса. Тогда как раз в магазинах появились дикие красящие шампуни для волос, и это многим неформалам нравилось. Мне б такую косу, а! Не в смысле зелёную, а в смысле длинную и толстую, но я в бабушку. Мама до сих пор ходит с косищей почти до коленок (правда, уже не зелёной, а светло-русой) и тоже спускает волосы на уши. Да, ушастость у меня от неё, но вот рост явно нет, мама – стандартные 167 см. Говорят, я пошла в папу и его родню: там все шкафы двухметровые...

К чему я эту бодягу рассказываю? Именно благодаря концерту познакомились мои родители. Нет, они были по разные стороны баррикады, а баррикад в те годы много было... С одной стороны – бунтари и маргиналы, эпатирующие общество зелёными волосами, драными джинсами и косухами с тонной железа, с другой – гопники, любера, законопослушные граждане – совковый планктон... Революционные годы... Тогда все были против всех: неформалы против гопников, люберов и скинов, рокеры против панков и металлистов, фаны-питерцы против фанов-москвичей, фанаты-старички против фанатов-новичков, и все скопом против ментов. Ментов презирали, ненавидели или как минимум награждали нецензурными словами. Впрочем, к концу нулевых великое противостояние сошло на нет: или времена стали спокойнее, или радикальные группировки постарели...

Мама говорит, что ментов (или *мусоров*) не любили просто за то, что они являлись представителями власти, а прогрессивную молодёжь тошнило от любой власти, недаром у них был популярным лозунг: «Анархия – мать порядка». Видимо, настолько плющил их совок, что уже никакой страны не хотелось. Потерянное, как говорится, поколение. Сейчас тоже не шибко ментов любят, но тут уж извините: какой народ, такая и полиция. Не с луны же полицейские падают, а в том же обществе выращиваются.

В общем, мама насобираала на Арбате денег на очередной билет на «ДДТ» и почему-то прямо с гитарой потащиалась на концерт. Наверное, не успевала зайти домой или по дороге решила подработать. Купила в кассе билет, а на сдачу – чизбургер с фантой. Ну, сидит себе в сквере у Горбушки⁴, жуёт. Встретилась со своими. Свои встретили чужих – питерцев. Время от времени московские *забивали стрелы* питерским и наоборот, – типа дуэли, но если без вызова, без предварительной договорённости, то назывался этот обряд *махач*. Видимо, силами мерились: стенка на стенку и прочие народные забавы; царство на царство и народ на народ – классика смутного времени.

Мама сроду в потасовках не участвовала, но тут пришлось связаться: непонятная, не шибко трезвая (точнее, абсолют-

⁴ Г о р б у ш к а – ДК Горбунова, один из самых известных залов в Москве, где проходили рок-концерты.

но пьяная) компания решила развлечения ради *кинуть на билеты местных* или просто пощипать для бодрости, разогреться перед концертом, там-то уже начинался миролюбивый *слэм*. Мама отошла немного от поля битвы (тем более что с обеих сторон было по пятеро бойцов, а она оказалась шестой лишней), но у неё выхватили гитару, и волей-неволей пришлось лезть в кучу-малу отнимать. Мама сразу же получила своей собственной гитарой по голове (почему бы и нет? Чем не оружие?), инструмент переходил из рук в руки, обрушиваясь по очереди то на друзей, то на врагов... Мама насилу вылезла из свалки. Ну и милиция, точнее, омоновцы тут как тут: в послереволюционные годы ни один серьёзный рок-концерт без ОМОНа не обходился, примерно как сейчас не обходится без него ни один футбольный матч.

И вот омовцы бодренько затолкали всех без разбора в «козла» и повезли... куда подальше, к чёрту на рога. Подальше – потому что районное отделение милиции оказалось переполнено.

Мама говорит, что в обезьяннике ей до этого никогда не доводилось сидеть, а потому ощущала лихой азарт: теперь она настоящий диссидент и враг порядка! Настроение портило одно... нет, много чего: сгинул драгоценный билет на концерт, пропал шанс лицезреть Шевчука и... гитара тоже пропала. Куда делась последняя, никто в суматохе не заметил. «Мусора́ небось взяли, уроды!» – прохрипел немного протрезвевший питерец. Он в целом был доволен приключением: давно пора москвичей на место поставить, а то «борзые у себя в столице». Питерец носил длинный *хаер* и звался Лёхой Метлой. По дороге неожиданно произошло перемирие, и к моменту доставки в отделение обе компании претензий друг к другу не имели. Теперь у всех был общий враг – менты.

Самые продвинутые (питерец Лёха Метла и москвич Егор, по кличке Енот) начали пугыч: «Сейчас нам всем мусора отобьют почки, потом сломают рёбра, потом морду раскрасят, потом подкинут наркоту, а заодно навесят дюжину нераскрытых уголовных преступлений, так что сидим молча, как Зоя Космодемьянская перед лицом гестапо». Кто-то из питерцев взвыл, что он несовершеннолетний и хочет жить...

Вечно радужное настроение мамы рассеялось: она готовилась к пыткам в застенках отделения, а заодно к бабушкиной домашней казни. Но за решётку почему-то никого не посадили, а повели в непонятный кабинет, похожий на школьный класс. Помимо двух сопровождавших омоновцев и одного просто мента, откуда-то пришли ещё местные мильтоны. Местные шли не торопясь, ждать в классе пришлось минут сорок, если не целый час, всё это время над душой нависали омоновцы. Следуя советам бывалых, арестанты молчали по-партизански. Мама не выдержала первой и полезла на рожон, обратившись к стражам порядка со своей фирменной улыбкой, разряжающей любую атмосферу:

– Я извиняюсь, а тут вопросы задавать можно?

– Можно, – ответил Простомент.

– Хотела бы узнать, как насчёт моего имущества. Мне его вообще вернут?

– Какого имущества?

– У меня была гитара. К тому же очень дорогой инструмент. Семиструнная, между прочим. И я вообще ни с кем не дралась! Я только свою гитару отнять хотела. Где я теперь её искать буду? Или вы её арестовали тоже, в качестве улики или орудия преступления?

– Женя, ты знаешь, где гитара? – обратился Простомент к одному из омоновцев.

– Без понятия.

– Сейчас в протоколе всё укажешь: кто там у вас с кем

дрался и про гитару, если хочешь.

– Тогда вернёте?

– Слушай, нам твоя гитара на фиг не нужна. У нас другие обязанности, – сказал омовонец Женя.

– Настя, ну чо ты с ними трёшь? – не выдержал матерый питерец Груздь, боевой товарищ Лёхи Метлы.

– Хочу и тру! – выиграл бунтарский дух моей мамы. – Здесь хоть петь-то можно? Или запрещено законом?

– Да пой, – пожал плечами Простомент.

Мама тихонько запела печальную дорожную песню «Ты не один», которую не удалось услышать на концерте. Это одна из её любимых:

Когда идёт дождь,

Когда в глаза свет

Проходящих мимо машин и никого нет...

На дорожных столбах венки, как маяки

Прожитых лет...

Припев подхватил тенорком несовершеннолетний, подвыла и подбитая Лиса, лучшая рок-подружка мамы. На второй песне – почему-то не «ДДТ», а «Машины времени» («Однажды мир прогнётся под нас»), – ещё человек пять подтянулись к хору арестантов. На Метлу и Енота песни произвели эффект колыбельной, хотя дело тут было не только в песнях, конечно. Храп звучал аккомпанементом, всё вместе напоминало фарс. Или трагикомедию.

Потом да, пришли менты с протоколами и допросами, но без орудий пыток. Разошлись в общем-то культурно, но кое-кому в итоге выписали штраф.

Про гитару и ментовку мама ничего бабушке не сказала, то есть сказала только про гитару: «Дала Лисе поиграть на время». Да, когда мама вернулась к Горбушке, никаких следов от своей гитары, даже щепок или струн, она не обнаружила. «Вот гады менты! – прошипела она. – Спёрли!»

Дня через три-четыре под вечер случилось немыслимое. Земля трижды повернулась против своей оси. Настя, моя мама, пришла из Ленинки – это была её любимая библиотека, где она частенько пропадала после института, особенно в год защиты диплома, а это как раз и был тот самый год, – пришла и увидела в коридоре гитару. Семиструнную. И массу вопросов в глазах бабушки.

– Это кто? – спросила бабушка.

– Это я, – ответила мама.

– Нет, кто к тебе приходил и почему с гитарой?

– Я понятия не имею. Это вообще не моя гитара.

Мама взяла инструмент и зачем-то стала настраивать. Прямо в коридоре, не раздеваясь.

– Ты не темни уж. Где твоя гитара и почему тебе это принесли?

– Моя у Лисы. А почему принесли, не знаю. Адресом ошиблись, вероятно. Кто вообще принёс?

– Представился Евгением, а там я уж не знаю кто. Тебе виднее – твои дружки.

– Какой ещё Евгений? Может, Енот? Егор?

– Я твоего Енота видела, спасибо, больше желания встретиться не возникло, прекрасно помню, обознаться не могла. С института, что ли? Вид довольно приличный, на удивление прямо.

– А чего-нибудь передать просил?

– Да ничего. Гитару просил передать. И два раза извинился.

– Ясно.

Настя внимательно осмотрела новый инструмент, но никаких следов пояснительных записок или других улик не обнаружила. Впрочем, её уже осенило: менты?! Это могли сделать менты?

Ну ничего, хоть признали свою вину, возместили ущерб, уроды!

Бабушке пришлось соврать, что старую гитару продала Лисе, откладывала стипендию и вот через друзей нашла инструмент получше. Видимо, продавец и приходил. Маму мучили попеременно то совесть, то любопытство, и она скрепя сердце побрела в знакомую ментовку. И даже купила по дороге шоколадку в знак благодарности. Менты в дежурке шоколадку сразу отвергли, потом некоторое время находились в недоумении, затем что-то внезапно смекнули и начали гоготать, как истинные гуси. Ну и выдали маме номер телефо-

на, по которому следовало озвучить благодарность. Да, это был номер моего папы, того самого омовца Жени.

Странное, конечно, дело: рок-мама и мент-папа. Но на белом свете случаются и более значительные казусы. Года через полтора они поженились.

«Знаешь что, Настя, – говорил папа, – в сущности, мы очень похожи. Духом противоречия.

Только для того чтобы плыть против течения, вовсе не обязательно переворачивать автобусы или сжигать пивные ларьки. Один орёт на площади с плакатом „Поможем старикам!“ и кидает в омовцев бутылки с зажигательной смесью, а другой молча едет в дом престарелых и помогает. Нас ненавидят ещё больше, чем вас, для большинства людей мы что-то вроде политической дубинки, но лично меня политика интересует меньше всего. Власть меняется, как направление ветра, температура и давление, а родина остаётся, и, какой бы она ни была, я буду делать то, что должен, даже если каждый день мне будут плевать в спину. На свете водится немало чокнутых романтиков и юродивых, но... как знать, может быть, именно на нас держится мир, а вовсе не на пресловутых трёх китах?» Жили бы мы, как говорится, не тужили, но не тужить никто из нас не может. Потужить обязательно нужно. Вот и тужим, кто как умеет.

С разной степенью интенсивности. Сейчас я живу с мамой и бабушкой, как вы уже поняли. Продвинутые сейчас начнут умничать и рассуждать, на что же мы живём и почему

до сих пор не опухли с голоду, куда делся мой отец, раз он такой хороший?.. Так вот: живём благодаря собесу, мы все пенсионеры, включая меня. Пенсии вообще-то разные есть на свете, не только по старости или инвалидности. У бабушки есть своя пенсия, помимо работы, а мы с мамой получаем пенсию за папу. Я, конечно, убогая, и нужно было как раз с него начинать свою биографию, а не с *груши* и садика, но постеснялась, что ли. Просто не люблю пафос: всё великое обычно обходится без воплей фанфар и грохота литавр.

Мой папа умер за месяц до моего рождения, и мы с ним так и не увиделись. Вы уже поняли, что его звали, как и меня, Женей. Евгений Щетинин. То есть наоборот: меня назвали в честь него. Он был старшим лейтенантом милиции, точнее, омовцем и погиб в очередной командировке в Чечне. Мне не слишком подробно рассказывали эту историю, но в целом дело было так.

На каком-то заброшенном заводе прятались ваххабиты, боевики, их было, *по предварительным данным*, немного, потому что война уже заканчивалась и почти всех, кого нужно было обезвредить, уже обезвредили. Туда поехал наш БРДМ⁵, но бой оказался гораздо серьёзнее, чем предполагалось: откуда-то ещё повылезали бандюки. Папа с небольшой группой из восьми омовцев поехали тогда выручать своих на БМП⁶ и БТР⁷. Банду переловили, и среди них оказался какой-то важный командир, *эмир*, за ним охотились дольше всего, а когда наконец и его поймали, гад решил подорваться: на нём было спрятанное под одеждой взрывное устройство. Мой папа бросился на него, оттолкнул – и... погиб.

Остальные омовцы остались живы благодаря папе. Бабушка рассказывала, что папу хоронили в том самом цинковом гробу, о котором у нас в стране отчего-то принято го-

⁵ Б Р Д М – бронированная разведывательно-дозорная машина.

⁶ Б М П – боевая машина пехоты.

⁷ Б Т Р – бронетранспортёр.

ворить с ужасом, омерзением или недоумением. Вскоре родилась я, а папе присвоили звание Героя России посмертно. Конечно, мне лучше было бы родиться мальчиком, но ведь я неудачница и характером совсем не похожа на дочь героя. Сопля соплёй.

Да, у меня есть вторая бабушка, её зовут Галина Алексеевна (кстати, мамина мама – Валентина Николаевна), был ещё и дедушка, папин папа, он умер от сердца, когда мне исполнился год (или два?..). Бабушки между собой не очень ладят и общаются только по делу. Предполагаю, дело в ворчалках, которые широко практикует бабушка Валентина, и в строгом характере бабушки Галины. Бабушка В. иногда любит повторять мнение большинства, но сама никогда к нему всерьёз не прислушивается, зато мы, как ей кажется, должны действовать «как все нормальные люди». Любит она и что-нибудь неуместное сказануть, особо не задумываясь о чувстве такта и последствиях.

Я слышала пару-тройку раз, как она сверлила маму: «Ты в своей библиотеке скоро в старуху превратишься, жизни совсем не видишь за этими книжками, хоть бы познакомилась с кем-то, снова замуж бы вышла, а то киданул тебя *этот* с ребёнком, героем себя возомнил, потащился в самое пекло, без него, что ли, не обошлись бы? Ради чего он там воевал-то? Ни о ком не подумал! Ребёнку отец нужен, а не цинковый гроб!» Мама хлопала дверью: она терпеть не могла эти причитания и проклятия. Вполне вероятно, что нечто подоб-

ное слышала и бабушка Галина, поэтому старается с бабушкой Валентиной общаться по минимуму.

Бабушка Г. после смерти папы и дедушки резко сменила профессию: раньше она была бухгалтером во вполне приличной фирме, а стала... свечницей. Это кто? Продавщица в церковной лавке. Непонятно, почему это место зовётся «свечной ящик», на ящик не очень похоже, хотя восседает за прилавком бабушка Г. с оч солидным видом, как самая настоящая свеча. Вдобавок она ещё и староста, причём сама женщина весьма внушительного роста, хотя я уже и её переросла...

Бабушка В. православную тему не очень понимает («На старости лет *эта* ударились в религию!»), но свечки не брезгует лишний раз поставить, покупает куличи на Пасху и берёт воду на Крещение, так что вроде не атеистка, а мама прониклась и даже поёт в церковном хоре. Меня тоже пробовали отправить в хор, но почему-то дело не пошло. До сих пор помню, как в воскресной школе учила стихиры с загадочными древними словами, особенно мне нравился «Новый доме Евфрафов». Звучит таинственно и сказочно: что за дом, кто такой Евфраф? На этот вопрос мне даже бабушка Г. не смогла ответить.

Глава 5

За год до школы у меня появилась учительница, тётя Сима, её нашла бабушка В. Бабушка В. кого хочешь найдёт, у неё знакомых целый вагон... нет, целый бронепоезд! Тётя Сима (странно, что я так никогда и не узнала её отчества) была пожилой женщиной, и назвать бы её старушкой, но язык не поворачивается, скорее, девчонка преклонного возраста: крошечная, тощенькая, суетливая, шустрая, с неизменным ровненьким коротким каре (не исключено, что это был парик, но тогда жаль, что не старомодный, в духе Моцарта). Она, разумеется, не могла быть пациенткой бабушки, потомков у тётя Симы тоже не наблюдалось, однако круг пациентов б. Валентины удивительным образом пересекался с кругом учеников тётя Симы. Я приходила к ней домой учиться читать, писать и считать.

Тётя-Симины квартира напоминала натуральный музей – всего две небольшие комнаты, но какие! Старинная мебель, пахнущая пылью позапрошлого столетия, блестящий тёмный паркет, узорчатые напольные часы с огромным маятником, которые громко цокали, как копыта коней, неторопливо везущих экипаж по булыжной мостовой. Был ещё хрипловатый дед-граммофон с золотой трубой, похожей на слуховую (у меня похожая была в «Наборе маленького доктора»).

На полу вместо ковров лежали чьи-то шкуры, немного

плешивые от времени. Сейчас уже плохо помню, чьи: козла, осла, медведя? Или кого-то заморского-волосатого? Возможно, верблюда. Это вещи, которые сразу бросались в глаза. Но ещё мелочь разная водилась: загадочные флакончики, старинные фотографии, шкатулочки с неизвестными секретами... От тёти Симы всегда пахло старыми приторно-пряными духами, кажется «Красная Москва», – такой вот душевный запах антресолей.

В квартире затаился уютный печальный полумрак, как в норе. Я ещё ни у кого не видела на стенах тёмных обоев, только у тёти Симы. В маленькой комнате – тёмно-синие в вертикальную бронзовую полосу, в большой – бордовые, тоже полосатые. Почему-то большинство людей выбирают белые, бежевые, кремовые или розовые обои, а те, кто никакие не любит, красят стены в белый цвет: наверное, света не хватает. Полумрак разлюбили, а зря: в полумраке становишься задумчивее, мечтательнее, филосо... Философичнее? Философское? Скорее, созерцательнее. Слово старинное, финтифлюшистое, букинистическое – «со-зер-цание», напоминает «зерцало», «зеницы», «зарницы» и прочие антикварные слова.

Занимались мы в большой комнате, которую хозяйка называла странным словом «зала».

Тётя Сима торжественно усаживала меня... нет, не за стол и не за парту, а за сек-ре-тер! Слово меня впечатлило: то ли секрет в нём спрятан, то ли секретарь... Секретер открывал-

ся крошечным ключиком, шкаф превращался в стол, я доставала свою тетрадку... Конечно, первую тетрадь я выбирала в магазине сама. На её обложке не было ни цветочков, ни принцесс, ни щеночков, ни мультяшек... Купила я самую страшную, с дурацким уродливым гномом, потому что мне стало жалко оставлять его, одинокого, на полке: ведь ясно же, что никто такого некрасивого не купит, хотя изначально я шла за Русалочкой или Рапунцель.

Тётя Сима разрешала мне пользоваться всеми ручками сразу, а не только синей, каждое слово можно было писать разным цветом. Мне больше всего нравилась зелёная ручка с блёстками. Тётя Сима ненавидела тетрадки с готовыми заданиями типа «впиши ответ в клеточку» и с картинками, поэтому у меня была просто тетрадка, и больше ничего: иллюстрации и задания мы рисовали сами.

Буквы учили не по алфавиту, а вначале гласные, потом согласные, причём гласные у тёти Симы начинались не с А, а с Я.

– Женечка, прежде чем начать писать, следует разобраться, что такое Я, ведь почти все книги в мире посвящены этому Я.

Я – первая буква, которую я написала в тетради. Точнее, нарисовала.

– Женечка, на что похожа буква Я?

– На человечка. Вот голова, вот ноги у него.

В детстве мне казалось это самым важным – наличие ног

и головы. Именно так я и рисовала людей – головоногами, почти колобками. Минимализм. Что-то в психологии говорится насчёт головоногов – типа в шесть лет это уже диагноз.

– Хорошо, рисуй. А ещё на что похожа?

– На петлю, узел с двумя хвостиками, на... фотик на штативе, который смотрит на тебя.

Потом была Ю, похожая на юлу, лежащую на-боку: в неё наигрались, и она отдыхает, довольная. Так мы учили алфавит. Тётя Сима не заставляла выводить закорючки и отдельные буквы, она была волшебницей, а такие люди всегда с приветом и ненавидят бессмысленный труд. Мы сразу начали писать слова, и они не были случайными. Первую пару слов придумывала она, а дальше я пыталась сочинить сама. Например, она: «Король улетел», а я: «У него много дел». Каждое слово я поначалу вымучивала, выцеживала по букве и, когда доползала до спасительной точки, чувствовала, что пропахала, как вол, целое поле. Впрочем, я никогда не видела, как вол это делает, так что лучше сравню себя с трактором.

Учиться читать я начинала с моих любимых стихов, которые знала наизусть, звучащие слова превратились в книге в тайные знаки, шифр или код. Незнакомые книжки я поначалу ненавидела читать самостоятельно, особенно меня тошнило от Тани, про которую заставляла читать бабушка В. Таня была роботом.

Та-ня иг-ра-ет.
У Та-ни кук-ла.
Та-ня гу-ля-ет.
Та-ня о-бе-да-ет.
Та-ня спит.

С любым адекватным человеком что-нибудь да происходит, но только не с Та-ней, её даже не было жалко, она ведь неживая, неживее игрушки, неживее картинки, неживее тумбочки – Таня была просто текс-том.

Потом я пошла в школу и тётю Симуу, мою фею-крёстную, больше не видела никогда... Недавно мама сказала, что она умерла от онкологии примерно в тот год, когда я закончила первый класс. От тёти Симуу у нас остался на память маленький сборник стихов. Она распечатывала свои сочинения дома на обычном принтере-тарактелке, потом делала переплёт и украшала обложку всем, что под руку попадёт, – настоящий скрапбукинг. Вот только фамилии её и на обложке не было, просто Серафима Т. Возможно, «Т» означало всего лишь «тётя»...

Никто не издавал эти стихи и уже никогда не издаст, они умерли вместе со своим автором, утонули в информационном океане. Мы все в нём однажды потонем, как говорит мама, захлебнувшись слоганами рекламы, эсэмэсками, мемами, фанфиками, smm-продуктами, сериалами, поп-хитами, хештегами и прочей мишурой.

Стихи были душевными, тёплыми, мягкими на ощупь,

как шарф или пледик. Вам тоже наверняка попадались подобные уютные, домашние стихи.

Уплывают кораблики по весне,
И от этого грустно становится мне,
Детства белые корабли
Из надежд и мечтаний моих...
Где причал ваш, кораблики, расскажите
И в страну вашу в гости меня пригласите.

Сейчас вы, разумеется, скажете: «Ну и?.. И чо тётя твоя Сима? Стихи как стихи, любой дурак не хуже зарифмует!» Ладно, допустим, писала она средне, зато была гениальным читателем, а этот талант встречается гораздо реже. Между прочим, гениальным читателем не станешь, пока не попробовал на своей шкуре, что такое писательство. Тётя Сима даже скучнейшую книгу могла спой#лерить так, что хотелось моментально загуглить или стартовать в библиотеку.

Глава 6

Научившись писать, я спёрла у бабушки В. толстый ежедневник и начала сочинять. Ежедневников у неё была целая гора, благодарные родители пациентов считали своим долгом как минимум трижды в год дарить ежедневники: на Новый год, 8 Марта и День медика, а знающие – и на день рождения. Конфеты и шоколадки тоже поставлялись регулярно, у бабушки в шкафу целая полка была выделена для шоколадно-мармеладных изделий – агась, самая высокая, чтобы внучка не достала. Но однажды я всё же долезла и подточила бабушкины запасы, а следы замела: обёртку от шоколадки заклеила, а ополовиненную коробку с конфетами переставила подальше, к задней стенке шкафа. За порчу и хищение НЗ бабушка заперла меня в туалете, хотя насчёт ежедневника промолчала. Понятно: то шоколад, а то бумага...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.